

Надежный Саньч

«...ушли не долюбив,
не докурив последней папиросы»

2 ИЮЛЯ 2000 ГОДА навечно стал черным днем календаря не только для нашей милиции, но и всех магнитогорцев. На территории временного милицейского отдела в Аргуне прогремел мощнейший взрыв. Погибло 61 и ранено 153 человека. 11 молодых магнитогорских мужчин вернулись домой из «чеченской» командировки грузом «200». С тех пор минуло пять лет, но картина той небывалой траурной процессии навсегда останется в памяти не только родственников погибших, но всех, кто знал и любил парней. В день памяти и скорби помянем всех павших добрым словом.

Капитан милиции ОБ ППС Александр Семакин, сопровождая гуманитарный груз, буквально накануне трагедии прибыл в Аргун. Вернуться в Магнитку он должен был вместе с нашим отрядом. Но краткосрочная командировка обернулась для него вечностью.

Этого доброго, надежного человека я узнала за полгода до его гибели.

Враждебное Братское

Моздок. Февраль 2000 года. Несколько десятков бойцов отдельного батальона уже три месяца «поддерживают конституционный порядок» в чеченском селении Братское Надтеречного района. По приказу эмвэдэшного начальства двухмесячная командировка растянулась на три. Чтобы поддержать моральный дух приунывших бойцов, решено было отправить им гуманитарную помощь. Гостинцы от родных, друзей и добровольцев-спонсоров потянули на тонну. Подарки повезли тогдашний командир подразделения Владимир Зубков и майор Валерий Моторин. К ним на полулегальном положении прицепилась и я – журналист, вымолившая поездку у начальника УВД Федора Александровича Булатова.

Хлебнув автоматы с капризной «ГАЗелью», на пятые сутки добрались мы наконец-то до Моздока и томились в ожидании встречающих. Баре мы, конечно, не великие, но без вооруженного сопровождения из приграничного осетинского городка нас просто бы не выпустили: ехать по приграничному шоссе небезопасно. По разбитой бэтэрами, обстрелянной дороге водители гнали под сто – меньше шансов стать живой мишенью для бандитов, скрывающихся в «зеленке». А в начале февраля 2000 года Грозный был еще в руках боевиков.

После часа ожидания к нам на полной скорости подлетает видавший виды «уазик». Выскакивают бородатые мужики и сгребают нас в охапку. С криком: «Свои!» – меня лобызает молодой красавец в чеченской папахе. Затупев, в следующую секунду догадываюсь, что это очень живописно закамуфлированные под чеченцев наши магнитогорские милиционеры. Тот, кто в каракулевой шапке – Сан Саньч. Для своих – просто Саньч. Тогда он исполнял обязанности командира нашего «чеченского» отряда. Крупный и сильный, в светло-серой папахе, в камуфляжной форме с эмблемой рыси на рукаве, он был таким, каким и должен быть русский воин – крепкий, надежный мужик.

Чувство защищенности не покидало меня все дни, проведенные в отряде. Даже еженощные обстрелы базы не особо тревожили. Была железная уверенность: такие, как Саньч, будут стоять насмерть. Именно он поддался на «преступные» уговоры взять меня, необстрелянную дамочку, на «зачистку территории». Потом, конечно, получил от командира Зубкова вытек по первое число.

Поначалу Саньч с ребятами показали местные «достопримечательности». Привезли на отвесный берег Терека, где боевики приносились прятать оружие. Наши вычислили эти норы-схроны и периодически простреливали речной откос.

Саньч показал, как обезвреживают бандитский арсенал: вскинул «калаш», выбрал темнее в земле углубление и нажал на курок. Сухим треском прозвучали автоматные очереди, только пылью взметнулась красноватая земля.

Сейчас, по прошествии пяти лет, прокручивая кассету, отмечаю, что мне так и не удалось запечатлеть Саньча крупным планом. Завидев камеру, он мигом отворачивался. В оправдание, посмеиваясь, говорил, что «стеснительный и сниматься не любит».

За окном «уазика» промелькнул пестрый базар. Внимая просьбе журналистки, притормозил у лотков. Оказавшись в глазке видеокамеры, чеченские тетушки вмиг оживились и заученно занудели: «Уходите с нашей земли! Мы русских не убивали. Зачем наших убиваете?» Взяв меня в кольцо, бойцы стояли с автоматами наготове. Только по напряженному лицу Саньча поняла, какому риску я подверглась парней. Уже потом мне объяснили: на журналистов идет особая охота – им первая пуля. Моя невинная съемка запросто могла спрово-

цировать стрельбу. Рынок окружали временные пустующие трехэтажные особняки боевиков. Наверняка в одном из таких «пустующих» за нами наблюдала не одна пара глаз и стволов. Но обычно в «мирном» селении Братское не принято стрелять среди белого дня. Автоматные очереди раздавались только глухой ночью.

Саньч был по-человечески добр и заботлив. Зная, что бойцы уже сидят на чемоданах, а начальство медлит с отправкой, страстей, как командир отряда, не накалял и на психику под-

...В небо уходит черный столб дыма. Это ликвидация воровского нефтяного мини-завода – работа бойцов Саньча. Полуразваленный дом, короткие автоматные очереди – это уже захват боевиков. Кромешная тьма. В луче фонарика книжицы паспортов – идет обычная военная работа, ночная зачистка.

Историю легендарной папахи, которая так срослась с обликом Саньча, рассказали его сослуживцы. Каракулеву радость ему подарили старейшины. Случилось это после того, как Семакин, возглавлявший отряд по зачист-

ке, обошел мечеть стороной. И хотя уже были случаи, когда святой дом боевики использовали в качестве арсенала или временного ук-

рытия, он не стал оскорблять мусульманскую святыню. Вот тогда-то четверо старейшин и преподнесли Саньчу папаху. Это знак большого уважения и расположения к человеку, который почитает чужие веру и традиции.

В день нашего отъезда Сан Саньч привез меня на пограничный блокпост и подвел к бетонному трехметровому колодцу: «Видишь дату? – указал он цифры, выдавленные в бетонном основании, – 1987 год! Еще с той поры зинданы готовили. На своей шкуре узнали наши пацаны средневековые тюрьмы».

Только сейчас осознала, что военную Чечню мне тогда показал Семакин. А спустя полгода, в июле 2000, из траурной рамки глянуло на меня до боли знакомое лицо Саньча.

Род Семакиных

Сельское кладбище в пригородном поселке Желтинский (ЖОС). Серый памятник с портретом Семакина на граните. Каждый год в день его рождения сюда приезжают бойцы отряда. Обычно все проходит не по сценарию. Ни выстрелов, ни речей. Зачем? Кто из них не знает Саньча? Со школьной скамьи как на ладони.

– Наверное, задирой он в детстве был? – спрашиваю у товарищей по оружию.

– Не маменькиным сыночком, но школу закончил отличником.

Его короткую биографию бойцы знают наизусть. Военную карьеру Семакин выбрал сознательно: поступил в Ульяновское гвардейское высшее танковое училище. После его расформирования перевелся в Челябинское танковое и выпускные экзамены сдал экстерном. Служить направил в Забайкальский военный округ. Был командиром танкового взвода, командиром разведывательного десантного взвода, командиром десантной роты. Два года командовал группой отряда спецназа. В 1997 году военную службу сменил на милицейскую: стал инспектором отдельного батальона ППС Магнитогорска. Получил звание капитана и награжден медалью «За отвагу». Орденом Мужества – посмертно.

Друзья Саньча рассказали, как искали его после взрыва. Не нашли и поначалу считали без вести пропавшим. Думали, в плен попал. Сразу же после чудовищного взрыва райотдел из гранатометов поливали. Плен допускали только в случае его контузии или ранения, но искать не переставали. Когда стрела экскаватора, растаскивающего бетонные машины, переломилась, бойцы разбирали завалы чуть ли не руками. Саньча обнаружили под одной из плит. Он лежал, прикрыв телом своего земляка.

Отец Семакина, не справившись с горем, пережил сына лишь на месяц, в том же году умерла мать, а потом и сестра. Но род Семакиных продолжается. Молоденькая вдова Оксана воспитывает Сашеньку Семакину. Дочка родилась уже после гибели Саньча.

Со времени аргунского взрыва минуло пять лет. Привычной становится боль утраты, но не проходит обида и досада за то, как погиб цвет магнитогорских мужиков. Было бы не так больно, если бы смерть они приняли в открытом бою, с оружием в руках, а не пали от предательского удара в спину.

Через несколько месяцев после трагедии у одного из боевиков изъяли видеокассету. Подонки аккуратно задокументировали дела рук своих. Кадры взметнувшегося до небес огня стали их «отчетом о проделанной работе». Ведь оплата производится подушно – за каждого погибшего. Офицерские жизни стоят дороже.

В который раз прокручиваю свою «чеченскую» кассету. Бравый капитан Семакин на башкирском языке озорно распевает «Ветер с моря дул». И верится, что весельчак Саньч живет не в виртуальном пространстве, а рядом с нами.

Ирина КОРОТКИХ.

Вернуться в Магнитку он должен был вместе с нашим отрядом. Но краткосрочная командировка обернулась для него вечностью

чиненным не давил. В шесть утра будил парней не истошным казарменным криком: «Рота, подъем!», а ласково: «Ребята, пора вставать!» На кадрах оперативных съемок Саньча узнаешь по его знаменитой чеченской папахе.

